

Д.Х.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

357

9

1953

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

веб-публикация: *Vive Liberta*, 2014

9

СЕНТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1953

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Найденев М. Е.— Великая Октябрьская социалистическая революция и ликвидация противоположности между городом и деревней в СССР	3
Писарев Ю. А.— Подъём массового революционного движения народов Югославии в 1918—1919 годах	20
Слѣзкин Л. Ю.— Из истории англо-американского империалистического соперничества в Южной Америке (1931—1932)	32

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Панкратова А. М.— О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму	59
Люблинская А. Д.— К вопросу о развитии французской народности (IX—XV вв.)	78

СООБЩЕНИЯ

Третьяков Г. И.— Всенародное обсуждение проекта Конституции СССР	97
Трофимов А. С.— Рабочее движение в Москве и Московской губернии во второй половине 80-х годов	102
Волков С. И.— Дворянские крестьяне Подмосковья во второй четверти XVIII века	111

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Фалеев А. В.— Книга о военных взглядах декабристов	117
Бергер Я. М., Шанганов С. К.— Прогрессивные китайские историки о тайпинском движении	123

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

Кузьмин Н. Ф., Кириллов В. С., Шишкин С. Н.— М. И. Стишов, С. Ф. Пайда. Разгром трёх походов Антанты. Победа советской власти на национальных окраинах и на Дальнем Востоке	130
Алефиренко П. К., Подъяпольская Е. П.— М. В. Ломоносов. Том шестой. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии 1747—1765 гг.	136
Клокман Ю. Р.— «А. В. Суворов». Документы. Т. III	141

Всеобщая история

Алексеев-Попов В. С.— Е. П. Кандель. Маркс и Энгельс — организаторы Союза коммунистов. Из истории борьбы за создание революционной партии пролетариата	145
Лебедев И. А.— А. Уолдмэн. Линкольн и русские	151

ХРОНИКА

И. Л.— Изучение истории земледелия СССР	155
Муравьев А. В., Шелестов Д. К.— Дипломные работы по истории СССР выпускников Московского государственного университета	157
Ш. Д.— Археологические экспедиции Института истории материальной культуры в 1953 году	159
Хроникальные заметки	161

Борис Дмитриевич Греков	164
--	-----

Редакционная коллегия: А. М. Панкратова (главный редактор), А. В. Арциховский, Э. Н. Бурджалов, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, П. П. Епифанов, Н. А. Смирнов, М. Н. Тихомиров, И. И. Удальцов, И. А. Федосов, В. М. Хвостов.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 647. Тел. Д 3-31-04.

А 03749

Изд. № 799.

Заказ № 2663

Тираж 50 000 экз. Подписано к печати 21/X 1953 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆.
5,25 бум. л.— 14,38 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

об авторе:

http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=98

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ФРАНЦУЗСКОЙ НАРОДНОСТИ (IX—XV вв.)

Проблема зарождения и развития буржуазных наций тесно связана с проблемой зарождения и развития народностей. Нации возникают в результате длительного развития народностей на определённой ступени исторического процесса. Они представляют собой продукт эпохи поднимающегося капитализма. «Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является вместе с тем процессом складывания людей в нации»¹.

Подобно тому как процессу складывания и развития той или иной буржуазной нации свойственны свои специфические особенности, складывание и развитие той или иной народности также отличается известным своеобразием, обусловленным ходом развития феодализма (для народностей эпохи феодализма) или рабовладельческого строя (для народностей древнего мира). Однако индивидуальные особенности не должны заслонять то общее, что присуще всем народностям как историческим категориям развития общества.

В настоящей статье автор не имеет возможности дать общий очерк истории французской народности. В ней делается попытка выяснить лишь одну сторону проблемы, а именно: как в ходе развития французской народности подготавливались отдельные элементы французской буржуазной нации, каким образом шёл процесс зарождения общности языка, территории, культуры и экономики. В настоящее время не представляется возможным осветить эти вопросы более или менее равномерно, так как история экономического и культурного развития Франции IX—X вв. разработана далеко не так подробно, как история территории и языка. К тому же проблемы развития общности экономики и культуры вообще не привлекали внимания исследователей².

«Элементы нации,— писал И. В. Сталин,— язык, территория, культурная общность и т. д.— не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях. Потенция превратилась в действительность лишь в период поднимающегося капитализма...»³. Поэтому историю зарождения и развития буржуазной нации никак нельзя отрывать от предвоявшей её истории народности. Именно в период существования народности закладываются основы общности языка, территории, экономики, культуры, появля-

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 15.

² Для истории отдельных провинций и их объединения во французской буржуазной историографии накоплен большой фактический материал (исследования и сводные обзоры Буассонада о Пуату, Бурильи о Провансе, Крозе о Шампани, Друо о Бургундии, Гашона о Лангедоке, Мариона о Берри и многих других). Для экономической истории изучаемого периода важен материал в работах Сэ, Гандильона и в специальных статьях по отдельным вопросам; для истории языка — в большом исследовании Брюно

³ И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 336.

ются некоторые характерные особенности, которые будут присущи в дальнейшем данной буржуазной нации и получают затем полное развитие. Между тем проблема истории народности как предшественниц буржуазных наций лишь недавно стала привлекать к себе внимание советских историков, главным образом историков СССР. В отношении же западноевропейских стран специальных исследований на эту тему еще нет⁴.

История народности не освещена и в учебнике для высших учебных заведений по истории средних веков, вышедшем в 1952 году. В нём сделано исключение, и то лишь в самом общем виде, только для двух стран (Англии и Франции). Так, в конце главы по истории Франции XI—XV вв. читаем: «К концу XV в. политическое объединение Франции сделало крупнейшие успехи... Политическое объединение стало возможно лишь на почве роста производительных сил, отделения города от деревни, роста сельского хозяйства, промышленности и торговли, образования внутреннего рынка. Всё это связало разрозненные области, жившие раньше замкнутой экономической жизнью, в одно целое. Вместе с экономическим объединением страны шло и создание общего языка. Наряду с местными наречиями начал развиваться единый французский литературный язык (на основе северофранцузского наречия). Стала вырабатываться общепольская культура. Так постепенно складывались элементы, из которых в последующие столетия выработалась французская нация»⁵.

Однако в самом тексте главы эти положения не раскрыты. Там ни слова не сказано о развитии общего языка и общепольской культуры. Очень скудные и разбросанные сведения об экономическом развитии страны не готовят читателя к выводу, что в конце XV в. во Франции уже образовался внутренний рынок, что он связал разрозненные области в одно целое. Кстати сказать, сам этот вывод является спорным. Неточно определяется путь развития языка: будущий национальный французский язык начал вырабатываться на основе не северофранцузского наречия, как утверждают авторы учебника, а центральнофранцузского диалекта, ибо язык северофранцузской народности включал в себя и другие северные диалекты (нормандский, пикардийский и др.). Некоторое внимание в главе уделено лишь одному из четырёх признаков будущей нации — территории. Однако и в этом вопросе отсутствуют необходимые ясность и чёткость. Как правило, речь идёт лишь о «захватах» французскими королями той или иной области⁶, что приводит к выводу, будто процесс развития французской территории является результатом одних лишь многочисленных «захватов» со стороны королевской власти. Такое неправильное, на наш взгляд, освещение вопроса коренится в том, что в учебнике не показывается самый процесс образования и развития французской народности. В главе, перегруженной излишними деталями политической истории, не рассматриваются такие важные вопросы, как закономерность формирования территории, рост экономических связей, процесс складывания общего языка, зарождение и первые шаги в развитии национальной культуры.

Ничего не сказано по этому важному вопросу и в главе 25-й, посвящённой раннему Возрождению.

⁴ В статье «К вопросу об образовании английской нации» («Вопросы истории» 1951, № 9) акад. Е. А. Косминский не ставит перед собой задачи изучения истории английской народности. В статье И. С. Миллера «К вопросу о формировании польской буржуазной нации» («Вопросы истории». 1952, № 7) проблеме народности уделено некоторое место.

⁵ «История средних веков» Т. I Под редакцией Е. А. Косминского и С. Д. Сказкина. Госполитиздат 1952, стр. 350.

⁶ Филипп II Август осуществил «захват Нормандии» (стр. 317), он же «захватил и другие владения английских королей во Франции» (стр. 318); «значительная часть герцогства бургундского была захвачена Людовиком IX» (стр. 347), присоединение Лангедока оценено только в плане усиления королевской власти (стр. 328), политика Филиппа IV по отношению к Фландрии охарактеризована лишь как захватническая (стр. 324) и т. д.

Как указывал И. В. Сталин, империя Карла Великого представляла собой конгломерат племён и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки. Племена и народности, которые входили в состав этой империи, имели свою экономическую базу и свои издавна сложившиеся языки. У каждой народности существовал свой единый язык, подчинявшийся себе диалекты, местные говоры. Энгельс признавал существование в средневековой Франции не одной, а двух народностей со своими языками и территориями: южнофранцузской (провансальской) и северофранцузской⁷. В дальнейшем, в процессе развития французской буржуазной нации, они слились воедино. Нам представляется, что эти родственные народности окончательно оформились и начали своё раздельное существование после распада каролингской империи.

Начиная с V в. в галло-римскую народность, расселённую на территории Галлии, стали внедряться отдельные германские племена: вестготы, бургунды, франки, — каждое со своим племенным языком. В результате «варварских» завоеваний начался процесс ассимиляции германских племён покорённой галло-римской народностью. Причина этой ассимиляции прекрасно вскрыта Энгельсом: «Каждый раз, когда победителем является менее культурный народ, нарушается, как само собой понятно, ход экономического развития и подвергается уничтожению масса производительных сил. Но при длительном завоевании менее культурный завоеватель вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому «хозяйственному положению» завоеванной страны в том виде, каким оно оказывается после завоевания; он ассимилируется покорённым народом и большей частью усваивает даже его язык»⁸.

Следует подчеркнуть, что утрата германцами своих племенных языков и усвоение ими провинциальных диалектов народной галло-римской латыни проходили в обстановке быстро протекавшего процесса феодализации, изменявшего общественный строй как германских племён, так и галло-римской народности, в обстановке формирования антагонистических классов нового, феодального общества, в обстановке классовой борьбы между закрепощаемыми крестьянами и феодалами.

В результате всех этих процессов к началу IX в. на территории бывшей Галлии франки окончательно слились с галло-римской народностью и завершилось продолжавшееся сотни лет длительное скрещивание языков. Победителем в языковом процессе вышел язык галло-римской народности, сохранивший свой грамматический строй и основной словарный фонд и лишь несколько обогативший свой словарный состав за счёт языка германцев-завоевателей. Народная галло-римская латынь, вбирая в себя некоторые слова из германского языка, продолжала развиваться согласно внутренним законам развития языков. К первой половине IX в. она уже далеко отошла не только от латинского языка классической древности, но и от народной галло-римской латыни. Это был уже не латинский, а «романский» язык, являвшийся в то время официальным языком франкского королевства, о чём свидетельствует присяга королей и знати 842 г. — так называемая «Страсбургская клятва».

Областью распространения романского языка была вся Галлия, но в каждой из трёх её крупнейших частей, оформившихся уже в меровингский период, — в Аквитании, Бургундии и Нейстрии⁹ — имелись свои отличия, причём они выражались не только в языке, но и в этническом составе. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев. В рассматриваемую нами эпоху были до известной степени сильны ещё и другие, докельтские этнические элементы. На юго-западе это были аквитаны, народ иберийского происхождения; в конце VI в., когда они уже до-

⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 406—407; К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Изд. Госполитиздат. 1947, стр. 465.

⁸ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. 1950, стр. 172.

⁹ Основная территория Австразии представляла собой область германского языка.

статочно романизовались, к ним переселились из-за Пиренеев васконцы (баски), также иберы. Слившись с аквитанами, они усвоили местный диалект галло-римской латыни и стали называться гасконцами. В V в. весь юго-запад был занят вестготами.

Чрезвычайно пёстрым по своему этническому происхождению было население средиземноморского побережья Галлии (римские области Септимания и Провинция); лигуры, финикийцы, греки, кельты последовательно оседали на южных плодородных землях. В римскую эпоху эти провинции вместе с Аквитанией были наиболее романизованы; германские завоевания оставили в них меньший след, чем в прочих областях Галлии, где римское влияние было несколько слабее и где бургунды и особенно франки коренным образом изменили римские порядки. Кроме того, ещё до нашествий германцев общенародная галло-римская латынь распадалась на местные наречия; германцы же принесли в Галлию свои племенные языки. Вследствие всех этих особенностей, этнических и языковых, отчасти географических (юг и юго-запад отделены от севера горами и имеют свои речные бассейны), а также разницы в уровне феодализации (Аквитания и Нейстрия шли в этом отношении впереди) все три области в известной степени отличались друг от друга. Вместе с тем в каролингской империи существовала коренная разница между областями с населением, говорившим на романском языке, с одной стороны, и чисто германскими частями, где господствовали диалекты германского языка, — с другой. Процесс феодализации протекал в германских областях гораздо медленнее, а в некоторых местах ещё только начинался. К тому времени снова был совершенно германизирован левый берег Рейна, где в своё время существовали римские поселения¹⁰. Коренная разница в языке и значительные отличия в уровне феодализации сыграли решающую роль при разделении каролингской империи на западную и восточную части.

К концу IX в. процесс развития германских племён, входивших в каролингскую империю, продвинулся настолько, что из них образовалось восточнофранкское королевство, в котором господствовали диалекты германского языка (за исключением узкой полосы по северо-восточной границе). В этом государстве ещё сильны были пережитки племенных отличий, тем не менее оно представляло собой государство немецкой народности (особое положение было в Италии). Западнофранкское королевство вобрало в себя на первых порах почти все французские земли, и лишь затем, в связи с полным завершением процесса феодализации, в нём наступил период феодальной раздроблённости. Подобно многим другим странам, Германия и Франция начали своё существование в качестве самостоятельных государств. Границы государств более или менее соответствовали языковой границе, но всё же с ней не совпадали. В частности, за пределами западнофранкского государства остались бургундские земли и западная часть Лотарингии, где господствовал романский язык. Процесс воссоединения с Францией всех этих областей растянулся на много столетий.

В X в. во Франции (это название тогда уже прочно укрепилось за западнофранкским королевством) завершилось раздробление на отдельные графства и герцогства. В северной части страны сложились свои диалекты (нормандский, пикардийский, бургундский, пуатвинский, центральнофранцузский, то есть диалект Иль-де-Франса, и др.), которые входили в подчинивший их себе язык северофранцузской народности. Аналогичный процесс протекал в это же время и на территории южнофранцузской народности с её провансальским языком и многими его диалектами.

Вся северная половина Франции (за исключением Бретани) представляла собой территорию северофранцузской народности, и на этой основе

¹⁰ См. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М. 1952, стр. 118.

сложилось определённое, хотя и слабое, государственное единство. Французский король был сначала государем только этой территории¹¹. Разумеется, в период феодальной раздробленности политическое единство этой территории зачастую имело призрачную форму. И тем не менее какими бы распрями ни раздирался класс феодалов, как бы ни были независимы от короля отдельные его вассалы, всё же связь между феодалами никогда не могла быть разорвана полностью. Форма феодального государства развилась из формы феодального хозяйства, основным отношением которого (внутри феодального класса) была отдача земли в ленное владение за определённую личную службу и поборы¹². В сохранении определённой связи, хотя бы и слабой, был заинтересован не только король, но и весь класс феодалов в целом. Эта связь обеспечивала ему известную сплочённость, необходимую для того, чтобы держать в узде эксплуатируемое крестьянство. Кроме того «король представлял собой вершину всей феодальной иерархии, верховного главу, без которого вассалы не могли обойтись и по отношению к которому они одновременно находились в состоянии непрерывного бунта»¹³. Только королевская власть могла защищать вассалов от внешнего врага и друг от друга. Поэтому, как бы сильны и независимы ни были крупные вассалы французского короля, эта независимость никогда не доходила до полного распада королевства на отдельные части.

В дальнейшем, по мере роста городов и при их поддержке, французские короли не только постепенно расширили свой домен, но и распространили свою власть сначала на северную половину страны, а затем и на южную. Эти перемены имели очень важное значение для судеб страны. «Длинная история о том, как французские короли, бывшие таковыми лишь по имени, стали настоящими королями. полна мелочной борьбы, измен, интриг. Но это — история возникновения нации»¹⁴, — писал К. Маркс.

Рост королевского домена отнюдь не означал складывания территории северофранцузской народности. Мы уже отмечали, что эта территория имела свои границы, хотя ещё и не очень чёткие, со времени распада каролингской империи. Существование народности немислимо без наличия единого языка этой народности, подчиняющего себе местные диалекты, и общей территории, на которой живёт данная народность, говорящая на наречиях своего языка. Языку и территории народности предстоит ещё проделать долгий путь развития, прежде чем они обретут прочную общность, характерную для нации. Но с них начинается история народности. Присоединение же к домену того или иного графства или герцогства означало постепенный рост королевской власти, превращение королей из номинальных государей в государей подлинных. Конкретные исторические условия — рост городов и обслуживавшего феодализм товарного производства — послужили основой союза королевской власти с бюргерством. К королевской власти как к представительнице образующейся нации тя-

¹¹ В доказательство отсутствия во Франции IX в языкового единства в учебнике «История средних веков» (стр. 148—149) приведены такие факты: 1) наличие на окраинах французской территории германского наречия (фламандского), кельтского языка и языка басков, 2) столь резкие различия в наречиях романского языка, что, например, жители Парижа не понимали языка жителей Тулузы. Но эти доказательства бьют мимо цели. Фламандское наречие, бретонский и баскский языки существуют и поныне почти в тех же областях наряду с общим, единым национальным французским языком. Что касается языковой разницы между Парижем и Тулузой, то в ту пору это были не разные наречия, а разные языки двух родственных народностей. Наряду с этим в учебнике совсем не отмечена близость между собой диалектов северофранцузской народности (и соответственно южнофранцузской).

¹² См. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Т. XXIX, стр. 140, Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М. 1952, стр. 158.

¹³ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 157—158.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 90.

готели все прогрессивные элементы феодального общества. В процессе своего роста королевская власть уничтожала бунтовавшие вассальные государства, распространяя воздействие единой системы администрации, судопроизводства, военной и финансовой организации на всё большую территорию.

Таким образом, ещё в начальный период существования северо-французской народности (равно как и южнофранцузской) имелась известная общность языка и территории, хотя язык и распадался на местные диалекты, а территория — на феодальные княжества. В дальнейшем, в процессе развития народностей, эта общность языка и территории всё больше крепла.



В истории французской народности, однако, имелся ряд обстоятельств, в значительной степени осложнивших её развитие. К таким обстоятельствам следует отнести, во-первых, существование на территории будущей французской буржуазной нации не одной, а двух народностей¹⁵, процесс полного слияния которых занял длительное время; во-вторых, продолжительную борьбу с Англией, неоднократно захватывавшей французские земли; в-третьих, наличие почти по всей восточной границе Франции бургундских областей, объединение с которыми также было сложным и длительным процессом.

Рассмотрим вкратце каждое из этих обстоятельств. В совокупности они дадут основные черты развития территории Франции. О развитии экономической общности — основе сплачивания отдельных княжеств в централизованное государство — речь пойдёт ниже.

Северная часть Франции отделена от южной Центральным массивом. По его северному краю в средние века проходила языковая граница, разделявшая области языков северного и южного (Лангедойль и Лангедок)¹⁶, а в настоящее время проходит граница южнофранцузских наречий. На языке трубадуров Провансом называлась вся южная половина Франции, а её язык — провансальским. В этом широком значении Лангедок, или Прованс, включал в себя Перигор, Лимузен, Марш, Гиень, Гасконь, Лангедок и Прованс (последние в узком значении, то есть только как приморские средиземноморские области). Географическая, этническая и языковая обособленность Юга от прочих частей страны увеличилась в X—XII вв., в период феодальной раздроблённости. Этой обособленности содействовал и начавшийся с конца XI в. (и особенно усилившийся в XII в.) расцвет южнофранцузских городов — Монпелье, Нарбонны, Нима и др.¹⁷, — поскольку развитие этих городов было связано не столько с внутренней жизнью Франции, сколько с экономическими связями в Средиземноморье.

В бурном росте приморских городов западного Средиземноморья — итальянских, испанских и французских — огромную роль сыграли крестовые походы. Эти города использовали своё благоприятное географическое положение для установления прямых торговых связей с Левантом (где они устроили свои фактории) и между собой; они выступали в качестве посредников в торговых отношениях со странами Северной Европы. Через средиземноморские порты Франции переправлялись восточные, итальянские и испанские товары, а также некоторая часть южнофранцузских высококачественных вин, оливкового масла, риса, фруктов. Долины южнофранцузских рек уже тогда были возделаны как сплошные сады. Торговля с Левантом вызвала во многих южнофранцузских городах

¹⁵ О Бретани речь будет дальше.

¹⁶ В. Ф. Шишмарёв. Историческая морфология французского языка. 1952, карта.

¹⁷ Марсель и область Прованс политически не входили до конца XV в. в состав Франции, но были с ней связаны в экономическом и языковом отношениях.

быстрый рост ремесла. В таких центрах, как Ним, Монпелье, развилось производство на экспорт тонких, ярко окрашенных сукон, сырьё для которых шло с плоскогорий Косс, славившихся в то время лучшими во Франции овцами. Вследствие этого XII в. характерен быстрым экономическим развитием графства Тулузского (то есть Лангедока в узком значении этого термина).

Южнофранцузские города находились и в благоприятном политическом положении. Подавляющее большинство их существовало ещё с римских времён, и многие из них смогли сохранить не только свою юрисдикцию, но частично и муниципальное управление. Уже в начале XI в. они выступали как богатые торговые города-республики, заключавшие торговые договоры с итальянскими городами. Между рыцарством и бюргерами на Юге не было такой упорной вражды, как на Севере. Многие дворяне жили в городах и занимались торговой деятельностью. В силу всего этого большинство городов Юга быстро высвободилось из-под власти крупных феодалов, и притом без участия королевской власти. На протяжении XII в. почти повсюду установился так называемый «консулат». Власть в городе сосредоточилась в руках консулов, наряду с которыми существовали «большие советы». Города оказались защищёнными от сеньёров, в то время как в Северной Франции сеньёры относились к городам, как к губкам, существующим для выжимания, и соответственным образом с ними и обращались¹⁸.

Экономический и политический расцвет Юга сопровождался большим подъёмом культуры. Университеты Тулузы и Монпелье принадлежат к числу старейших в Европе. Провансальская народность, писал Энгельс, «воскресила даже среди глубочайшего средневекового отблеск древнего эллинизма»¹⁹. Она первая выработала литературный язык и создала на этом языке такую поэзию, которая была в то время образцом для всех западноевропейских народов. Провансальская народность в промышленном и торговом отношении несколько не уступала итальянцам. В ту пору она стояла во главе европейского развития.

Следствием этого высокого уровня развития была распространявшаяся в графстве Тулузском ересь (так называемое «альбигойство»). Она выражала протест городов против феодализма. В числе альбигойцев были не только горожане, но и некоторая часть дворянства и низшего духовенства. Присоединение низшего дворянства к борьбе городов против попов объясняется его зависимостью от городов и общностью их интересов в этой борьбе. К тому же в альбигойстве крестьянско-плебейская ересь ещё не проступала как самостоятельное движение, отличное от бюргерского. Широкое распространение оппозиции церковному феодализму явилось показателем того, насколько передовой была в ту пору Тулузская область, первой начавшая в таких размерах борьбу с католицизмом.

Кровавое дело удушения этой ереси выполнило с помощью сброда негодяев-кестоносцев и инквизиции папство в лице Иннокентия III и его легатов. Папство отстаивало при этом не только своё владычество, но и весь феодальный строй в целом. Однако результаты альбигойских войн были гораздо скромнее, чем того ожидала католическая церковь. Последней не удалось прочно искоренить ересь. Но городам Лангедока был нанесён тяжёлый ущерб. Хотя они затем несколько оправились, но уже не смогли достичь былого расцвета. В XIV—XV вв. общий рост городов был несомненным, однако они не могли выдерживать конкуренцию со своими соперниками по морской торговле — с итальянскими городами-республиками и с городами Арагоно-Каталонской морской державы, с XIV в. ставшей гегемоном в западной части Средиземноморья. Поэтому ни в XIII в., ни позже южнофранцузские города не смогли вер-

¹⁸ См. «Архив Маркса и Энгельса». Т. V. Госполитиздат. 1938, стр. 233.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 407.

нуть себе утраченного положения на средиземноморских торговых путях²⁰.

Французские средиземноморские города не смогли сохранить главенствующего положения и внутри страны. Они были мало связаны с отсталыми горными районами Юга, в которых преобладающей силой было дворянство. Даже в пору наивысшего расцвета городов, в XII в., на всём Юге не создалось единого экономического и политического центра. Тулуза не стала настоящей столицей Юга, а власть графа была ослаблена самостоятельностью крупных городов. Последние, кроме того, конкурировали друг с другом в торговле. Гнень и Лангедок (то есть несколько уменьшенное бывшее графство Тулузское) имели разную экономическую и политическую ориентацию. Первая экономически ориентировалась на рынки стран, расположенных по берегам Атлантического океана, второй — на страны Средиземноморья. Ещё во второй половине XII в. аквитанское «наследство» досталось Плантагенетам. После же альбигойских войн Юг оказался поделённым между Англией и Францией.

К середине XV в. весь Юг был завоёван французами Севера. Они стояли на значительно более низком культурном уровне, чем южане. Тем не менее, как подчёркивает Энгельс, это присоединение Юга к Северу не было реакционным явлением. Наоборот, оно способствовало образованию национального государства. В результате присоединения провансальцы стали французами.

В чём же заключалась прогрессивность присоединения Юга к Северной Франции? Южная Франция была главным оплотом феодализма. Её оппозиция Северной Франции превратилась в оппозицию против прогрессивных сил всей Франции. Отчасти в результате альбигойских войн, но главным образом в силу общей неблагоприятной обстановки лангедокские города утратили своё прежнее, исключительное положение и в средиземноморской торговле и внутри страны. На Юге отсутствовала центральная власть, так как владычество обоих королей, французского и английского, было на первых порах номинальным. В этих условиях Юг очень быстро превратился в своеобразную «дворянскую республику». Дворянская воляница свила себе здесь прочное гнездо и упорно отстаивала свои феодальные права и привилегии. Это особенно отчётливо сказалось во время Столетней войны, в периоды бургундско-арманьякской междоусобицы и гугенотских войн.

Некогда передовая область с преобладанием богатых городов, Южная Франция подпала под власть феодальной знати и рыцарства, под власть сотен сеньёров всех рангов, которые ради сохранения местной независимости шли на союз с английскими феодалами, являвшимися тогда национальными врагами французского народа. В своей упорной оппозиции к Северу южные феодалы использовали и сепаратистские тенденции южных и юго-западных городов. Это и привело к тому, что провансальская народность, по выражению Энгельса, «как беспомощный балласт была взята на буксир французами-северянами»²¹.

Процесс слияния двух родственных народностей в единую буржуазную нацию, протекавший в условиях упорной борьбы, завершился только в эпоху французской буржуазной революции. Однако присоединение Юга было уже завершено к концу XV в., при Людовике XI. Это подготовило возможность действительного слияния народностей в дальнейшем.



Другим важным обстоятельством, осложнявшим развитие двух родственных французских народностей и затруднявшим их слияние, как ука-

²⁰ Один лишь Марсель составлял исключение как крупный порт анжуйского Неаполитанского королевства, пользовавшийся особыми торговыми привилегиями в Южной Италии.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 408.

зывалось, были продолжительные войны с Англией. Эти войны из-за французских земель длились с перерывами триста лет.

В начале X в. область, расположенная по нижней Сене, была завоевана норманнами, распространившимися затем по побережью вплоть до Бретани. Они чрезвычайно быстро утратили свой язык, слились с местным населением и не только восприняли существовавший тогда в Северной Франции феодальный строй, но и развили его дальше. Быстрый темп этого процесса «офранцузения» норвежских завоевателей является наглядным доказательством того, насколько сильна была уже в ту пору северофранцузская народность, полностью растворившая в себе пришельцев. В нормандском диалекте осталось лишь несколько слов скандинавского языка, а в некоторых названиях населённых пунктов — следы личных имён завоевателей.

В результате завоевания Англии нормандами под властью английских королей оказалось почти всё северное побережье Франции и Мен, а с 1154 г. в состав владений Плантагенетов во Франции вошли также не только луарские графства (Анжу, Турень), но и вся Аквитания (в тогдашнем значении этого термина, то есть вместе с Пуату, Овернью и др.). Это был тяжёлый удар для всего французского народа, а не только для Капетингов. Иностранное владичество над двумя третями французской территории оказывало отрицательное воздействие на развитие всей страны. Английские короли получали из своих владений на континенте немалые средства, что ущемляло интересы развития Франции.

Капетинги продолжали поглощать владения своих вассалов. Так, в 1186 г. было присоединено графство Вермандуа, в 1189 — Берри, в 1214 — Артуа, в 1284 — Шампань и т. д. Длительный процесс отвоевания французских земель у Англии шёл, в сущности, с середины XII в. до середины XV в., то есть до конца Столетней войны. Воссоединение северных и луарских областей, то есть земель северо-французской народности, закончилось довольно быстро. К началу XIV в. в руках англичан осталась лишь полоса вдоль побережья от Сента до Пиренеев.

Ответом Англии на успешное объединение французских земель вокруг единого центра явилась война, получившая впоследствии название Столетней. Внутреннее положение Англии и заинтересованность многих английских феодалов и отчасти купечества в экономическом и политическом владычестве в Гиени, а также их экономические интересы во Фландрии толкнули Англию на захватническую политику во Франции. Подчёркивая историческую обречённость этой политики, Энгельс называл планы англичан «донкихотскими завоевательными планами»²², подобными римским походам немцев. Англия преследовала в Столетней войне захватнические, грабительские цели, для Франции эта война была освободительной и справедливой. Осуществление английских завоевательных планов мешало бы естественному и закономерному развитию французских народностей (как северной, так и южной), ведущему к их слиянию в едином национальном государстве.

В уточнении нуждается вопрос о Фландрии, являвшейся одним из объектов борьбы между Англией и Францией. Фландрия не только входила в политические границы Франции, но и находилась с ней в тесных торговых связях. Там прочно укоренился французский язык. Филипп IV имел не меньше оснований ставить вопрос о присоединении Фландрии, чем, например, его преемники в XVI в. о присоединении Бретани, области, также чуждой Франции по языку и этническому составу. Но Фландрия отличалась от Бретани — полуострова, имевшего общую границу только с Францией. Фландрия как промежуточная область была экономически связана и с другими странами. Главной силой в ней были богатые и независимые города. Они-то и отстаивали свою независимость

²² См. «Архив Маркса и Энгельса» Т. X, стр. 343.

не только от Франции, но и от Англии, и не только в XIV—XV вв., но и в дальнейшем. Характерно, что в конечном итоге вне Франции осталась область именно трёх важнейших городов — Ипра, Брюгге и Гента.

Но не Фландрия была основной причиной войны и главным объектом английских захватов. Победа Англии при Слейсе уничтожила французский флот, победа при Креси открыла ей дорогу в Кале, овладение которым в 1347 г. завершило военные действия у границ Фландрии. После этого главное значение приобрел Юго-Запад, откуда англичане вместе с гасконцами совершали грабительские набеги на центральные французские области. Наконец, последовало отторжение Англией всех юго-западных областей, что не могло не замедлить завоевания территории южнофранцузской народности французами Севера.

Энгельс писал о Франции: «Там — в период средневековья чужеземное вторжение представлено английским завоевателем, который вмешивается в пользу провансальской национальности против северофранцузской. Войны с англичанами .. оканчиваются изгнанием иностранных интервентов и покорением юга севером»²³. Характерно, что отвоевание южных земель в XIV в. было выполнено в основном Северной Францией. Карл V не находил активной поддержки не только в отошедшей к Англии Аквитании, но и в Лангедоке. Главные удары его войск были направлены из Оверни и из луарских областей, то есть с севера. В атлантических портах англичане засели так прочно, что, несмотря на все усилия, Карлу V не удалось их оттуда выбить.

Однако осуществлённое к 80-м годам XIV в. почти полное воссоединение Юга с Севером не было ещё окончательным. Новое вторжение англичан в начале XV в. привело не только к захвату ими Нормандии, Мена и других областей (в результате чего весь север Франции оказался во власти Англии и её союзника Бургундии), но и к утрате Францией независимости. Королём объединённого государства Англии и Франции стал в 1422 г. Генрих VI английский. В это крайне опасное для Франции время на борьбу с захватчиками поднялся весь французский народ. Переломным моментом в борьбе явилось снятие осады Орлеана. Победа, одержанная тогда французами, во главе которых стала героиня-патриотка Жанна д'Арк, окончательно закрыла англичанам путь на Юг, на соединение с силами, расположенными во вновь завоёванной ими (в третий раз!) западной Гиени. Победа французов под Орлеаном облегчила им дальнейшее ведение войны. В конце концов англичан заставили отказаться от притязаний на французские земли и на французскую корону.

Вместе с окончательной победой над англичанами завершилось и присоединение Юга французами Севера. Английские вторжения на Юг смогли лишь отсрочить победу Севера, но не в состоянии были изменить ход исторического процесса. Столетняя война лишь усилила потребность Франции в национальном единстве.



Третьим моментом, осложнявшим развитие французской народности, а затем и процесс складывания французской нации, была борьба за бургундские земли. В Бургундии не сложилось особой народности со своим языком, подобной южнофранцузской. Как по языку, так и по своим политическим судьбам отдельные части Бургундии отличались друг от друга.

Вначале собственно Бургундия (области по Соне, Роне и верхней Луаре), занятая в середине V в. бургундами (в состав её вошёл и приморский Прованс), являлась особой частью франкского королевства. В процессе распада империи Карла Великого она разделилась на две части. Области по Соне и Луаре вошли в состав Франции и образовали

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 465.

герцогство бургундское, состоявшее в вассальной зависимости от французского короля. В нем господствовал бургундский диалект северофранцузского языка. Все прочие области (будущее Франш-Конте, Савойя, Дофине, Прованс, правый берег Роны и западная часть будущей Швейцарии) оказались частью «смешанного государства» Лотаря, затем они образовали два бургундских королевства (Верхнее и Нижнее) и наконец в 1032—1034 гг. номинально вошли в состав Германской империи. В начале XII в. Прованс — область, население которой говорило на провансальском языке, — навсегда отделился от Бургундии, попав под власть Каталонии. В период 1246—1481 гг. Прованс был владением анжуйского дома, будучи экономически и политически связан с Неаполитанским королевством, и к Франции был присоединён лишь в 1481 году.

В языковом отношении области по правому берегу Роны были неоднородны. В Форезе, западной части Лионне и в Виваре говорили на провансальском языке, в восточной части Лионне — на диалекте северофранцузского языка. Франш-Конте, Савойя, Дофине и альпийские области имели свои диалекты, которые выделяются обычно в особую группу юго-восточных диалектов; для них характерны черты, сближающие их и с северофранцузским и с провансальским языками; иногда их называют франко-провансальскими диалектами, подчёркивая тем самым их смешанный характер. Эти области воссоединялись с Францией постепенно, в течение очень длительного времени: правый берег Роны и Дофине — в XIV в., Франш-Конте — временно в 1482—1493 гг. и окончательно в 1678 г., Савойя — целиком и окончательно в 1860 году.

Швейцарские области с французским языком так и остались вне Франции, подобно южным областям Бельгии с валлонским наречием французского языка. «Таков естественный результат сложного и медленного исторического развития, через которое Европа прошла в течение последнего тысячелетия, когда почти от каждой большой нации отделились некоторые части ее организма и, оторвавшись от ее национальной жизни, принимали в большинстве случаев до такой степени близкое участие в национальной жизни какого-нибудь другого народа, что не хотели снова соединиться со своим основным стволom»²⁴.

Воссоединение восточных областей было процессом, пожалуй, не менее длительным и трудным, чем осложнённое борьбой с Англией присоединение Юга к Северу. Уже со второй половины XIV в. началось присоединение к апанажу бургундских герцогов — членов французского королевского дома²⁵ отдельных областей Нидерландов, которые и в экономическом и в политическом отношении настолько быстро превзошли значение самой Бургундии (в неё входили теперь только герцогство и Франш-Конте), что центрами этого бургундского «промежуточного государства» стали Гент и Брюссель. В Столетней войне XV в. герцоги бургундские занимали самостоятельную позицию и сперва своим союзом с Англией обеспечили англичанам владычество на Севере, а себе господство над Пикардией. Затем, заключив с Францией в 1435 г. (в качестве равноправной державы) Аррасский мир, Бургундия продолжала расширяться почти по всей своей восточной границе. При Карле Смелом были присоединены Лотарингия, земли по Верхнему Рейну, Гельдерн и др. Бургундское государство не только охватило плотным кольцом весь северо-восток Франции — от Дьеппа на Ламанше почти до Лиона, — но уже включало в себя и чисто французские области — Пикардию и Ниверне.

Борьба Франции со своим «вассалом», стремившимся создать самостоятельное королевство и завладеть всей территорией «королевства бургундов» и использовавшим в этой борьбе главным образом свои экономи-

²⁴ К Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII, ч. 1-я, стр. 155—156.

²⁵ Все прочие апанажи принцев королевского дома находились во внутренних областях Франции и никакой существенной задержки развитию народностей и национального государства не принесли. Иное дело — пограничная Бургундия.

чески наиболее развитые области, то есть Нидерланды, была неизбежна. Она лишь несколько отсрочилась ввиду необходимости для Франции заполнить сперва две первоочередные задачи — изгнание англичан из своих пределов и присоединение Юга. После успешного осуществления этих задач началась борьба центральной власти против опиравшегося на свои иностранные владения бургундского вассала. Эта борьба явилась главным содержанием внешней политики Людовика XI и потребовала от страны напряжения всех её сил.

В состав бургундского государства входили такие исконные французские провинции, как герцогство бургундское, Франш-Конте, Пикардия, Артуа, а также Фландрия и Лотарингия, части которых впоследствии примкнули к Франции. Наряду с этими областями, где (за исключением части Фландрии) господствовали диалекты французского языка, герцоги бургундские владели Нидерландами. Смешанное в этническом и языковом отношениях (при условии неравномерного экономического развития), «промежуточное государство» не могло быть устойчивым. После смерти Карла Смелого к Франции окончательно отошла вся Пикардия, а также герцогство бургундское. Что же касается Франш-Конте и Артуа, то после короткого пребывания их во французском королевстве (1482—1493) они вновь вернулись в состав «бургундского наследства» и в качестве такового вошли в XVI в. в габсбургскую империю Карла V. Их окончательное воссоединение с Францией относится только ко второй половине XVII века.

Таким образом, борьба за бургундские земли окончилась при Людовике XI победой центральной власти и завершением образования национального государства. Последнее, однако, существовало тогда на основе ещё очень урезанной территории. В его составе отсутствовали не только Бретань, но и Южная Фландрия, Лотарингия, Савойя и Руссильон (не говоря об Эльзасе и Корсике). Больше того, даже такие коренные французские области, как Артуа и Франш-Конте, через одиннадцать лет снова отпали от Франции, и воссоединение их затянулось до конца XVII века.

Итак, до XVI в., означенного зарождение французской нации, окончательно была решена только одна задача — отвоевание у Англии французских земель. Решение таких задач, как полное слияние с Югом и присоединение временно утраченных восточных областей, осталось в наследство периоду роста и созревания буржуазной нации. Что касается Бретани, то включение её в состав Франции в 1491 г. было формальным. Лишь впоследствии, в XVI—XVIII вв., она до известной степени срослась с Францией. Однако бретонский язык сохранился в ней и поныне, и в современной Франции бретонцы, подобно баскам на крайнем юго-западе, представляют собой остатки давно исчезнувших народов — кельтов и иберов. Таким образом, формирование общей территории французской народности к XVI в. ещё не было завершено; оно произошло лишь в период поднимающегося капитализма, в период развития буржуазной нации.



Общность экономической жизни в докапиталистический период может быть лишь весьма относительной. Основанное на ремесле, товарное производство ограничивало размеры внутренней торговли, невелики были и масштабы внешней торговли. Производство оставалось скотованным формами чисто цехового ремесла и сохраняло, следовательно, феодальный характер. В западноевропейских странах в XIV в. уже наблюдался более или менее регулярный обмен в пределах нескольких областей, а к концу XV в., накануне появления капиталистического уклада, этот обмен значительно расширился, охватив значительную территорию страны. Тем не менее, для той поры ещё нельзя говорить о наличии национального рынка.

«Внутренний рынок,— указывает В. И. Ленин,— появляется, когда появляется товарное хозяйство; он создается развитием этого товарного хозяйства, и степень дробности общественного разделения труда определяет высоту его развития; он распространяется с перенесением товарного хозяйства от продуктов на рабочую силу...»²⁶. В начальный период существования товарного хозяйства общественное разделение труда лишь отграничивало ремесло от сельского хозяйства. В дальнейшем ремесло дифференцировалось, но тоже лишь в пределах потребностей местных рынков. Обмен между отдельными областями носил случайный характер. Примерно с XIV в. с развитием ремесленного производства, сопровождавшимся всё большей специализацией цехов и ремесленников, усилился и обмен между отдельными частями страны, наметилась известная специализация в ремесленном и даже сельскохозяйственном производстве областей. Усиливающийся обмен между областями, постепенно растущее товарное обращение, концентрация небольших местных рынков в рынок, единый для всей страны, приводили к слиянию областей, земель и княжеств в одно целое.

Во Франции этот процесс начался в первой половине XIV в., но Столетняя война нарушила его естественный ход, и к концу XV в. известные успехи в этом направлении можно констатировать лишь для северной части Франции. Что же касается действительно «всефранцузского» рынка, который слил бы в одно целое отдельные части страны, и в первую очередь Юг с Севером, то его развитие пришлось на XVII—XVIII вв., то есть на период зарождения и развития капитализма.

В конце XV в. экономические связи северофранцузской и южнофранцузской народностей были ещё очень слабы. Положение не изменилось существенно и к середине XVI века. Этим объясняется тот факт, что во время экономического, социального и политического кризиса во Франции второй половины XVI в. на Юге появилась и довольно долго существовала самостоятельная республика: Юг решительно отрицал необходимость национальных уз. Лишь с XVII в. начинается процесс фактического слияния двух половин страны в единое экономическое целое.

Рассмотрим вкратце основные факты, обрисовывающие известный рост экономической общности на севере Франции. Речной бассейн Севера (Сена и среднее течение Луары с их притоками) отличается чрезвычайно благоприятным расположением речных путей, имевших в средневековые решающее значение для развития внутренней торговли. Этим обстоятельством главным образом и объясняется быстрый рост городов по рекам Сене, Марне, Уазе, Сомме, а также по среднему течению Луары. К концу XIII в. эти города были уже тесно связаны между собой. Среди сенских городов наибольшую роль играл Париж, среди луарских — Орлеан. Ещё в XII в. в Париже появилась «ганза речных купцов», игравшая главную роль в городском управлении. В 1210 г., после отвоевания Нормандии, руанские и парижские «речные купцы» при энергичном содействии королевской власти заключили договор о торговле по Сене. Создалось нечто вроде объединения купцов, торговавших по Сене, к которому присоединились бургундские купцы с верхней Сены и с Ионны. В XIV в. появилось товарищество купцов, торговавших по Луаре.

В городах, расположенных по берегам Марны и Сены с их притоками, происходили знаменитые шампанские ярмарки. На этих ярмарках встречались итальянские, фландрские, французские и другие купцы; торговля шла не только восточными ценными товарами, но и изделиями и продуктами местного производства — полотном, кожами, скотом, винами, зерном. Присоединение в 1284 г. к Франции Шампани закрепило её экономическую связь с Парижем. В начале XIV в. столица Франции уже стала крупнейшим экономическим центром северной части страны. В Пари-

²⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 47.

же было около 300 тыс. жителей, что по тем временам составляло громадную цифру. Вблизи Парижа, в Сен-Дени на ярмарку Ланди съезжались купцы почти из всех французских городов, даже южных.

Таким образом, в начале XIV в. между областями северной части Франции уже начали завязываться экономические связи. Происходил не только обмен сырьём, необходимым для развивавшегося ремесла, но и сельскохозяйственными продуктами, потреблявшимися городами, и особенно Парижем, в значительном количестве. Развивалась хозяйственная специализация отдельных областей Северной Франции. Железная руда, соль, скот и сукна Нормандии, полотна, сукна и высококачественные вина Шампани и Бургундии, разнообразные ремесленные изделия Парижа сделались предметами оживлённой торговли. Области севера Франции становились экономически зависимыми друг от друга.

Однако это был лишь начальный период слияния местных рынков. Столетняя война тяжело ударила по этим зачаткам экономической общности и привела к массовому уничтожению производительных сил, притом преимущественно в северных областях. Убыль населения, сокращение производства и торговли, длительная оккупация французских областей иноземными захватчиками, сопровождавшаяся разорением и опустошением значительных территорий, страшный налоговый гнёт, разбой и междоусобицы французских феодалов — таков краткий перечень тяжких несчастий, обрушившихся на французский народ. Нельзя не подчеркнуть и того факта, что в 1420—1430 гг. Франция временно распалась на части: север и юго-запад оказались в руках англичан, северо-восток и восток — в руках бургундцев, а Лангедок приобрёл почти полную самостоятельность.

Восстановление политических и экономических связей было делом нелёгким и длительным. После изгнания англичан и завоевания Юга сразу же началась борьба с Бургундией, также потребовавшая больших жертв. Неокрепшая ещё экономика страны подверглась новым испытаниям. Невиданно возросли налоги, от которых тяжело страдали народные массы; налоговый гнёт отрицательно сказывался на развитии экономики в целом. С трудом налаживались межобластные связи. В этом смысле характерна торговая деятельность Жака Кера. Главной сферой его торговых интересов был Левант, а не внутренний рынок. Его крупный капитал создан в основном на посреднической торговле с Востоком. Но постепенно прежние экономические связи восстанавливались и укреплялись. Экономическая политика Людовика XI способствовала этому процессу²⁷. Появилось много ярмарок. На лионских и нормандских ярмарках (в Кане и Руане) велась крупная оптовая торговля отечественными и импортными товарами. Значительная часть товаров перепродавалась затем (тоже главным образом оптом) на областных ярмарках и, наконец, через мелкие местные ярмарки доходила до широких кругов потребителей. Значительно развились металлургия и металлообработка (главным образом для удовлетворения нужд артиллерии и изготовления холодного оружия), появилось шелководство и шёлковое производство. Всё это ещё более усилило специализацию отдельных областей и обмен между ними. Выросло значение Лиона как центра, связывавшего северные области с Югом. Лион, бывший вначале преимущественно пограничным городом, в котором преобладали итальянские купцы и банкиры, становился французским городом, колыбелью французского шёлкового производства и главным ярмарочным центром страны. Людовик XI восстановил лионские ярмарки и предоставил им крупные привилегии. Помимо своего международного значения, лионские ярмарки стали существенным фактором в

²⁷ Интересно отметить, что из всего «бургундского наследства» в конце XV в. за Францией закрепились лишь те его части, которые экономически уже были связаны с Францией, — герцогство Бургундия и Пикардия.

развитии национального рынка. В конце XV в. на них торговали сукнами из Нормандии, Берри, Пуату и Лангедока, полотнами из Фореза, Божоле, Роаннэ и Бресса, меховыми изделиями из Оверни и Лимузена, красящими веществами из Божоле, Лионнэ, Жеводана и Альбижуа, разнообразными изделиями из Парижа ²⁸.

Приведённый перечень свидетельствует, что далеко ещё не все области страны участвовали в лионских ярмарках и что сфера их действия распространялась преимущественно на районы, близкие к Лиону. Всё же межобластные экономические связи неуклонно росли. Не только в северной части страны, но и от Руана до Марселя, по Сене, Соне и Роне установились постоянные и интенсивные торговые отношения. Однако связи экономически развитого Севера с Марселем, проходя по рекам восточной части страны, существенно не затрагивали Юг в целом. В противоположность Северу, где географические условия способствовали развитию экономических связей, Юг не имел естественных путей сообщения между отдельными своими частями и в первую очередь между побережьями Средиземного моря и Атлантического океана: южные отроги Центрального массива доходят почти до предгорий Пиренеев, и речной бассейн Гаронны и Дордони не связан с Лангедоком. Сухопутные и морские пути связывали между собой города Лангедока от Бокера до Нарбонны, но с западом они были соединены только дорогой на Каркасон и Тулузу. В своей торговле лангедокские города ориентировались преимущественно на Левант, Италию и Испанию. В XII в. на Юге было несколько ярмарок: в Тулузе, Каркасоне, Монпелье, Бокере. Последняя даже имела международный характер, её посещали испанские, итальянские и левантские купцы. В дальнейшем, в связи с упадком лангедокских городов в XIV—XV вв., эти ярмарки утратили прежнее значение.

В свою очередь, Байонна, Бордо, Ларошель, а затем и бретонские порты (Нант, Сен-Мало и др.) также развились главным образом в результате внешней торговли с Англией и Фландрией и другими северными приморскими странами. Особенно тесные экономические связи установились между Бордо и Англией. Вина, фрукты, орехи, зерно, красящие вещества Англия получала главным образом из Гиени. Английские купцы подолгу жила в Бордо, а бордоские — в английских портах. В Столетнюю войну города Гиени держали сторону англичан, а в XV в., после изгнания последних, стали фактически независимыми республиками ²⁹. Запрещение Карлом VII торговли Гиени с Англией разорило провинцию. «Бордо не может быть самим собой без связей и торговли с английским королевством», — заявили бордосцы французскому правительству. В 1463 г. Людовик XI восстановил их торговые права и привилегии и оставил за Байонной, Бордо и Ларошелем полное самоуправление ³⁰. К концу XV в. все они были крупными и богатыми портами, а в XVI в., в связи с великими географическими открытиями, их значение возросло ещё больше. Но вплоть до начала XVII в. эти города были мало связаны с Парижем и вообще с Севером; да и в дальнейшем их экономические связи с Севером росли довольно медленно.

Таким образом, к концу XV в. во Франции ещё не сложился общенациональный рынок. Для этого периода ещё нельзя говорить об экономическом объединении страны. Экономическая общность в некоторой степени существовала лишь в северной части Франции. Весь же Юг, за исключением Марселя, продолжал вести изолированное экономическое существование. Экономическое слияние не во всех случаях предшествует слиянию политическому. Завоеванию Юга не предшествовало создание единой экономической почвы. Наоборот, именно это завоевание явилось

²⁸ См. *Gandilhon. Politique économique de Louis XI. Paris. 1941, p. 236.*

²⁹ *Lodge. The relations between England and Gascony. «History», September 1934, p. 131—139.*

³⁰ *Gandilhon. Указ. соч., с.р. 367, 368, 269.*

важной основой, на которой после всех перипетий борьбы XVI в., в результате развития капиталистического уклада, создалась экономическая общность всей Франции. Тогда-то и сложился настоящий национальный рынок. Деятельность государства, то есть политической надстройки, способствовала его образованию.



В рассматриваемый период, то есть в IX—XV вв., произошли важные изменения в развитии французского языка. Его творцом и носителем был народ. В истории языка отразились основные этапы экономической, политической и культурной жизни французского народа

Сложившийся в IX в. романский язык распался на два языка, принадлежавших двум родственным народностям: северофранцузской и южнофранцузской. Каждый из них, оставаясь единым языком данной народности, состоял из местных диалектов

В развитии французского языка, как и других языков, большие изменения произошли в связи с развитием торговли, нуждавшейся в упорядоченной переписке, появлением печатного станка, развитием литературы. На юге Франции это развитие началось раньше, чем на севере, но затем, в силу конкретных исторических условий жизни южнофранцузской народности, встретило ряд препятствий. На севере же сложилась более благоприятная обстановка для создания общего языка.

Известно, что развитие языка народности в национальный язык протекает, как правило, путём выделения одного из местных диалектов в качестве основы для будущего национального языка. Такая роль обычно выпадает на долю диалекта ведущей в экономическом и политическом отношении области. Постепенно он подчиняет себе диалекты соседних областей и становится языком, общим для значительной территории страны. В период складывания нации он распространяется уже на всю страну в целом. В этом плане необходимо отметить коренную разницу в судьбах языков двух французских народностей.

На Юге уже в XII в. создался — впервые в Западной Европе — высоко развитый литературный язык. На первом месте среди местных диалектов стоял лимузенский (термины «провансальский» и «лимузенский» по отношению к языку были синонимами). Однако он всё же не смог подчинить себе остальные южные диалекты, ввиду того, что с конца XIII в. ясно обозначились общий упадок Юга и разобщённость отдельных его областей. В дальнейшем же провансальская народность влилась в формировавшуюся французскую нацию и её язык превратился в провинциальное наречие. В силу того, что экономическая общность Севера с Югом развивалась медленно, а экономические связи в пределах самого Юга были значительно слабее, чем в пределах Севера, местные диалекты провансальского языка оказались несравненно более живучими, чем северные. В то время как последние почти целиком утратили свою самобытность, влились в единый национальный язык и перемололись в нём (лишь по окраинам Севера сохранились остатки местных наречий), на Юге и в наши дни наблюдается ещё большая пестрота местных наречий (маршского, лимузенского, верхневернского, нижневернского, верхнелангедокского, нижнелангедокского, гасконского, провансальского).

Французский национальный язык развился на основе диалекта Иль-де-Франса, передовой в экономическом и политическом отношениях области Северной Франции. Развитие его шло параллельно общему росту Парижа как центра северофранцузской народности³¹. Первые признаки особого положения центральнофранцузского диалекта обнаружались в

³¹ Мы здесь не касаемся процесса вытеснения латинского языка, так как в развитии общности языка он играл лишь подчиненную роль. Латинский язык во Франции, как и в других западноевропейских средневековых странах, не был общенародным языком.

конце XII в., в первую очередь в области литературного языка. Правда, в тот период, в конце XII — начале XIII в., диалекты некоторых смежных областей, например, Пикардии и Нормандии, были развиты не менее, чем диалект Иль-де-Франса. На этих диалектах не только составлялись официальные документы органов городского самоуправления, но и писались литературные произведения. В начале XIII в. один из участников четвертого крестового похода, рыцарь Робер де Клари, написал хронику похода на своём родном пикардийском диалекте. Однако так обстояло дело в областях, не имевших тогда крепкой политической связи с Парижем. Что касается основного, уже прочно связанного комплекса северных областей (Иль-де-Франс, южная часть Вермандуа, Западная Шампань, Орлеанэ, Блуа, Берри и др.), то там в XIII в. общность языка была несомненна. Маршал Шампаньи Вильярдуэн также в самом начале XIII в. составил свою хронику на центральнофранцузском диалекте, в котором имела лишь незначительная примесь шампанского наречия. Пример этот тем более интересен, что автор не писал, а диктовал своё произведение, пользуясь разговорным общенародным языком своего времени. В официальных документах городских органов в том же XIII в. заметно проникновение элементов центральнофранцузского диалекта в местные диалекты. К концу XIII в. наблюдается широкое распространение центральнофранцузского диалекта уже по всему Северу. Одним из доказательств этого служит популярность французского перевода «Больших французских хроник», сделанного в 1274 г. в Сен-Дени. В XIV в. в литературе и в официальных документах северной части Франции центральнофранцузский диалект, безусловно, господствовал. Через королевских чиновников он начинал проникать и на Юг.

Столетняя война задержала развитие общности языка между Севером и Югом. Отторжение Англией Гиени и усиление независимости Лангедока приостановили рост этой общности, способствовали закреплению местных южных диалектов. На Юге некоторое распространение язык Парижа нашёл только в среде знати, связанной с двором, в среде королевского чиновничества и отчасти купечества. Зато общность языка на Севере была уже настолько велика, что её не могли поколебать испытания Столетней войны. Лучшим примером тому, может быть, является тот факт, что язык, на котором говорила Жанна д'Арк, крестьянка с далёкой окраины, с границы Лотарингии, был одинаково понятен всему народу Северной Франции, в том числе и солдатам французской армии. В пределах северной части страны была налицо общность языка, созданного усилиями многих поколений для удовлетворения нужд всего общества, всех классов общества.

Таким образом, к концу XV в. в Северной Франции уже существовал единый общенародный и высокоразвитый язык. Вместе с тем в отдельных областях, особенно на северо-западе и северо-востоке, ещё не были окончательно изжиты местные диалекты. Провансальский язык ещё распадался на многие местные диалекты. Процесс проникновения северного языка на Юг ещё только начинался.



В результате определённых условий существования у каждой нации из поколения в поколение вырабатывается своеобразный психический склад, своеобразный духовный облик, «национальный характер». «Поскольку он выражается в своеобразии культуры, общей нации, — он уловим и не может быть игнорирован»³². Изменяясь вместе с условиями жизни нации, он накладывает свою печать на физиономию нации.

Общность культуры как один из элементов нации также создаётся исподволь. Как и другие элементы нации, она зарождается ещё в докапи-

³² И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 296.

талистический период. Но её настоящее развитие начинается лишь в период подымающегося капитализма.

Трудно дать сколько-нибудь полное определение психического склада и культурной общности уже сложившейся нации. Ещё труднее сделать это для народности, ещё не начавшей своего превращения в буржуазную нацию. Вместе с тем несомненно, что и в это время уже сложились некоторые черты психического склада, отличающие одну народность от другой и запечатлённые в её истории, в дошедших до нас памятниках литературы и искусства, в народном творчестве. Всякому народу присущ своеобразный духовный облик; черты его вырабатывались и развивались на протяжении многих поколений.

Франция была в средние века страной классического феодализма. Феодальный строй развился там раньше и полнее, чем в других странах, крепостничество охватило всю массу крестьянства. Тяжёлые формы феодальной эксплуатации обостряли классовую борьбу. Крестьянские и городские восстания не прекращались во Франции в течение всего средневековья. В XVIII—XIX вв. борьба классов здесь больше, чем в других странах, доходила до решительного конца³³. До известной степени эта черта проявилась уже и в феодальный период. Восставшие в 1358 г. крестьяне не только горели желанием «уничтожить дворян всего мира», но и бесстрашно встретились в открытом бою со своим классовым врагом. Муниципальное движение во французских городах нередко принимало революционный характер³⁴. Так, ещё в период, предшествовавший сложению нации, стали вырабатываться традиции классовой борьбы, сыгравшие впоследствии такую огромную роль в истории французского народа, воспитавшие в нём революционную страсть как черту его национального характера.

В XV в., во время Столетней войны, очень ярко сказался патриотизм французского народа. Партизанское движение, как и вся героическая борьба французского народа с иностранными захватчиками, являлось наглядным проявлением его национального самосознания. Патриотические чувства нашли себе выражение и во многих литературных и публицистических произведениях того времени. Эти чувства вместе с идеей отечества как единой и целой страны зародились ещё раньше, во время потрясений и бедствий середины XIV века. Уже тогда для народа Северной Франции английские феодалы со своими отрядами были ненавистными чужеземцами, посягавшими на землю «миллой Франции». Эти чувства разделялись горожанами и мелким рыцарством. «Пусть англичанин будет хозяином лишь у себя дома... пусть море станет границей между Англией и Францией»³⁵, — говорится в одном из поэтических произведений 40-х годов XIV века.

Тогда же, в середине XIV в., в «Больших французских хрониках», то есть в огромном летописном своде, составлявшемся в Сен-Дени с учётом политических интересов королевской власти, нашла себе отчётливо выраженную идею единства всей Франции. Благодаря исключительной популярности этой хроники эта идея внедрялась в сознание широких слоёв горожан и рыцарства. Изложенная на родном языке, история родной страны стала любимой книгой во всех городах и замках и сыграла очень большую роль в развитии национального самосознания и культурной общности французов. По этой книге получали историческое образование, знакомились с историей родины все грамотные люди того времени. Кос-что из этой истории доходило и до народа. Бродячие жонглёры широко использовали текст «Больших французских хроник» для своих песен на исторические темы, распевавшихся по всем городам, сёлам и дорогам Франции. Присущие народным массам в эпоху феодализма монархические иллюзии способствовали укреплению в народном сознании

³³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1-я, стр. 189.

³⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXII, стр. 49.

³⁵ D. Kirkland. The growth of national sentiment in France before the XV c. «History», June 1938, p. 17.

идеи политического единства страны под управлением французского короля. Носителем идеи единства Франции был Север; именно там развернулось народное патриотическое движение.

Маркс и Энгельс неоднократно подчёркивали и другие черты духовного облика французов: «галльскую» остроту и трезвую ясность ума, неистощимую весёлость подвижного народа³⁶ и т. д. Все эти черты явственно проступали в психическом складе французского народа уже в XIV в. и проявлялись в общности его культуры, в первую очередь народной и городской. В рыцарской литературе эти свойства психического склада были выражены гораздо слабее; созданная для феодалов, она отражала их классовую психологию, предрассудки и узкую классовую мораль. Но и для этой литературы характерны острота и трезвость психологического анализа, остроумие и художественная форма.

В области изобразительного искусства в XIV в. также была достигнута известная культурная общность. В то время в архитектуре, скульптуре, миниатюре и художественном ремесле уже сложились чисто французские особенности готического стиля. К концу XV в. на Севере почти совсем стёрлись в искусстве черты местных средневековых «школ». Фуке был уже вполне французским художником.

Новым и мощным стимулом для развития культурной общности послужило появление и развитие книгопечатания. Оно увеличило до невиданных ранее размеров возможности образования и культурного общения. Всё это подготовило основу для наступившего вскоре французского Возрождения, первого этапа истории национальной французской культуры.

Однако культурная общность между Севером и Югом находилась в зачаточном состоянии. Не было ещё общности языка. Культурные традиции южных областей связывали их теснее с Каталонией и Италией, чем с Северной Францией. В Бургундии герцоги пытались укреплять местный сепаратизм созданием своей «бургундской» историографии, «бургундской» литературы и т. п. Но эти попытки не имели такой базы, какая была на Юге.

Таковы в общих чертах итоги развития во Франции к концу XV в. отдельных элементов будущей нации. Ни один из них не получил к этому времени полного развития, и притом в масштабах всей страны, хотя некоторые из них, особенно язык, достигли в Северной Франции сравнительно высокого уровня общности. Предстоял ещё долгий, трёхсотлетний период складывания нации, развития этих зачатков в подлинную национальную общность.

Мы стремились хотя бы вкратце показать огромную роль, которую элементы общности, присущие периоду существования народности, сыграли в истории Франции IX—XV веков. Главным творцом и носителем этой общности был народ, создатель единого общенародного языка и неисчерпаемых богатств культуры. Его трудом были созданы все материальные ценности; он же был и творцом всех усовершенствований в орудиях производства и в трудовых навыках. Труд крестьян и ремесленников был основой, на которой развивалось товарное обращение, определявшее развитие экономической общности. Народ защитил свою землю от иностранных захватчиков. Для него это была земля родной Франции, а не отдельные феодальные владения, из-за которых дворяне не переставали бороться друг с другом, несмотря на то, что в стране хозяйничали чужеземцы. Сам процесс объединения французской территории уходил корнями в глубину народной жизни, отвечал насущным потребностям исторического развития.

³⁶ См., например, К Маркс и Ф Энгельс. Соч. Т. XIII, ч. 1-я, стр. 27, т. XXI, стр. 495; т. IV, стр. 572.